

нии компонентов, однако при этом нарушается восприятие названия как единого целого, происходит неразличение сложных и составных по структуре топонимов.

Завершая рассмотрение основных положений монографии, отмечу еще раз, что работа Т. Н. Дмитриевой вносит важный вклад в изучение финно-угорской ономастики. Вызывает истинное уважение стоящий за исследованием большой труд по сбору топонимии, постижению глубин языка и культуры ханты. Исследованию присуща научная основательность и добросовестность, а также увлеченность избранной темой – сочетание исключительно благодарное и творческое. Без него невозможно было бы сделать столь скрупулезное и качественное исследование.

И. И. Муллонен, докт. филол. наук,
директор Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН (Петрозаводск)

Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. – Йошкар-Ола: Изд-во Марийск. полиграфкомбината, 2002. – 424 с.

Рецензируемая книга посвящена историко-этимологическому анализу географических названий Республики Марий Эл [РМЭ]. В ней содержится более 8 500 статей, объясняющих названия деревень, сел, городов, лесов, гор, болот, оврагов, рек, озер, а также некоторых иных объектов РМЭ, ценных в историко-культурном отношении. При создании книги использованы предшествующие работы И. С. Галкина (статьи в выпусках сборника «Вопросы марийской ономастики» (1980, 1982, 1987, 1990, 2001), книги «Тайны марийской топонимики» (1985), «Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края» (1991)), а также материалы кандидатской диссертации О. П. Воронцовой (Терентьевой) «Гидронимы Ветлужско-Вятского междуречья (потамонимы)» (1994).

Композиционно книга делится на следующие части: предисловие (с. 3–4), введение (с. 7–22) и историко-этимологический топонимический словарь (с. 23–408). В конце книги указываются источники, список которых содержит 161 наименование (с. 409–414), и научная литература – 270 наименований (с. 415–422).

В предисловии О. П. Воронцова и И. С. Галкин кратко описывают структуру книги, характеризуют материалы и источники, использованные при ее создании.

Во введении обсуждаются проблемы марийской топонимастики и, в частности, вопрос о роли топонимических исследований в воссоздании истории марийского народа. В соответствии с этим в рамках введения авторами выделено два раздела: «История изучения марийской топонимии» (с. 7–14) и «Древние места проживания марийцев по данным топонимии» (с. 14–22).

В разделе «История изучения марийской топонимии» И. С. Галкин и О. П. Воронцова останавливаются на некоторых наиболее важных, на их взгляд, работах, а также отмечают то новое, что сделано за последнее время в изучении марийской топонимии. В разделе «Древние места проживания марийцев по данным топонимии» историческая реконструкция закономерно связывается авторами с проблемами топонимической стратиграфии и этимологии. Традиционно признавая наибольшую древность гидронимов, авторы уделяют особое внимание анализу формантов речных названий.

Гидроформантов, легко этимологизируемых на материале современного марийского языка, оказывается немного: *-нер*, *-енер*, *-ангер*, *-енгер*, *-ингер* (< мар. *энгер*, *а́нгёр* ‘река, водный поток’), *-ер*, *-яр/-йёр* (< мар. *ер*, *йёр* ‘озеро’), *-вож*, *-важ* (< мар. *вож*, *важ* ‘корень, развилка’) и *-киа* (< мар. *икса*, *иксă* ‘залив; проток из озера в озеро или другой ручей’). Гидроформантов, которые, по мнению авторов, не поддаются объяснению на материале марийского языка, насчитывается более 20. Кроме того, авторы обратили внимание и на довольно многочисленные бесформантные гидронимы, основы которых не имеют параллелей в современном марийском языке, ср.: р. *Ирка* (*Йыр*), р. *Южа* (*Юж*), р. *Юмочка* (*Юм*) и др. (с. 15).

Основываясь на результатах этимологического анализа гидронимов, И. С. Галкин и О. П. Воронцова заключают, что древние марийцы занимали достаточно обширную территорию между пермскими с севера (северо-востока) и мордовскими с юга (юго-запада) племенами, которая, очевидно, располагалась юго-западнее и западнее, чем зона расселения марийцев в настоящее время, и скорее всего на правом берегу Волги.

Признавая неоспоримую заслугу И. С. Галкина и О. П. Воронцовой, подготовивших к публикации крупномасштабное топонимическое исследование, нельзя не обратить внимание на ряд особенностей работы, вызывающих критические замечания, которые связаны главным образом с материалами топонимического словаря.

В справочной части, представляющей научное оснащение статей словаря, к сожалению, не приводятся и, соответственно, не разъясняются ономастические термины, используемые авторами в словарных статьях для указания на вид географического объекта. Эти термины, состоящие по преимуществу из греческих и латинских элементов, остаются непонятными для широкого круга читателей, которому адресована книга. Нет единообразия и в употреблении ономастических терминов самими авторами.

Так, для обозначения любого сельского поселения в одних случаях авторами используется термин *ойконим*, в других – *комоним* (с. 131, 133, 226 и др.). Изредка встречается *отойконимный комоним* (с. 131), а название поселка *Васильсурский* характеризуется как *ойконим отурбанонимный* (с. 50). (При этом следует заметить, что *Васильсурский* – *отастиионимный ойконим*, ср. г. *Васильсурск* в Нижегородской обл.)

Название дороги авторами словаря именуется *оронимом* (см., например, с. 238). Название реки *Чывыж* (с. 356) отнесено в словаре к *гелонимам*. Обозначение леса фигурирует в разряде *фитонимов*, ср.: *Торвуд* – *гидроним отфитонимный*, где *тор* ‘чернолесье’ (с. 323), *Шур-гыял* – *ойконим отфитонимный*, где *шур-гё* ‘лиственный лес’ (с. 388).

Отмеченные неточности затрудняют восприятие книги, однако при чтении словаря читатель сталкивается и с трудностями иного рода. Как уже говорилось выше, в топонимическом словаре авторы сделали попытку дать этимологическое объяснение более чем 8 500 географических названий. Будучи основной, т. е., безусловно, наиболее ценной, интересной и содержательной частью книги, топонимический словарь в то же время вызывает критику как в «техническом» и методическом отношениях, так и по существу предлагаемых этимологий.

В ряде случаев материалы статей содержат неточности, связанные с недостаточной изученностью географического объекта или неверной фиксацией его имени. Это, в свою очередь, ведет авторов к ошибочным этимологическим трактовкам. Так, рассматривая ойконим *Ружъял*, авторы выделяют в нем две части: *Руж* – гидронимический компонент и *ял* ‘деревня’ (с. 286). В действительности же, во-первых, ойконим имеет форму *Рушъял* (неофициальное название русской деревни *Тимофеево* Верх-Ушнурской сельской администрации Советского района), а во-вторых, реки с названием **Ружа* близ этой деревни, расположенной на берегу р. Малый Кундыш, нет. С учетом более точной формы *Рушъял* ойконим, очевидно, должен объясняться из *руш* ‘русский’ и *ял* ‘деревня’.

Подобная неточность может быть отмечена и в статье *Пижан* (офиц. *Пижанка*), где под этим названием указываются две речки: правый приток р. Ошлы и правый приток р. Петъялки (с. 264). Для второго гидронима данные приведены неверно: в действительности речка носит название *Пинжанка* (исходная марийская форма – *Пунча* «Сосновая») и является не правым притоком р. *Пёт* (мар. *Pötm*), а левым.

Обратимся теперь к наиболее принципиальной собственно этимологической стороне словаря И. С. Галкина и О. П. Воронцовой. Многие этимологии, безусловно, хорошо обоснованы и достаточно надежны – прежде всего те, которые сделаны с непосредственной опорой на данные современного марийского языка. В то же время для более древнего корпуса топонимов авторами избран весьма уязвимый принцип анализа, приводящий в конечном итоге к необоснованным и противоречивым выводам. По сути, И. С. Галкин и О. П. Воронцова в поиске этимологических решений следуют по чисто формальному пути, основываясь на внешнем сходстве разноразличных лексем, генетическая связь которых нередко недостоверна. Соответственно, в этих случаях столь же недостоверно определение исходных значений апеллятивов, лежащих в основе топонимов. Авторы не учитывают важного принципа, согласно которому этимологическое объяснение реликтовых названий невозможно без определения их языковой принадлежности, когда имеющиеся лингвистические факты подтверждаются историческими, археологическими, палеоантропологическими, физико-географическими и иными данными. Сведения такого рода представлены в книге И. С. Галкина и О. П. Воронцовой явно недостаточно. Более того, в ряде случаев авторы упускают из виду и собственно лингвистические факты – не учитывают данные лексикологии, лингвогеографии, исторической фонетики, а также оставляют вне поля зрения работы по марийской топонимии и по общим проблемам и методологии топонимистики.

В этой связи уместно обратиться к тем этимологическим статьям, которые содержат указанные недостатки.

Чодра-полко (с. 354). Объясняя этот ойконим, авторы пишут: «Апеллятив *чодра* < *чодыра* часто встречается в составе марийских топонимов, означает ‘лес’, этимологически связан с монг. *чодура* ‘черемуха’, вошел в марийский язык через соседние тюркские языки со значением ‘чаща, мелкий лес’».

По поводу этих утверждений необходимо, во-первых, отметить, что в монгольском языке черемуха обозначается лексемой *žimugusun*, в тувинском языке – лексемой *чодураа*. Во-вторых, предлагаемая диахроническая реконструкция сделана без учета данных финно-угорской исторической лексикологии и лексикографии. В статье [Куклин, 1990] подробно рассматривается «биография» слова *чодыра* ‘лес, лесной’ и показано, что это слово является исконно финно-угорским, восходящим к **чотра*, в отдельных диалектах праязыка **цотра*. Стечение согласных в середине слова было устранено уже на марийской почве вследствие развития между ними *ы*-образного призвука, который в настоящее время расценивается как самостоятельная звуковая единица; озвончение глухого *т* определила интервокальная позиция. В-третьих, авторами в данном случае не учитывается историческая ретроспектива. Жизнь древних мари в условиях темнохвойно-широколиственных лесов южной тайги и лесостепи заставляла их с большим вниманием относиться к лесным уголкам. Об этом достаточно убедительно свидетельствует наличие в диалектах марийского языка развитой номенклатуры для обозначения основных типов леса, выделяемых по растущим в нем породам деревьев, рельефу местности, привязке леса к определенному географическому объекту, величине, возрасту леса и т. д., ср., например: *шўргы чодыра* ‘смешанный лес’, *пич чодыра* ‘дремучий лес’, *сип чодыра* ‘непроходимый лес’, *тўм чодыра* ‘глушь, пуща’ и др. Не приходится сомневаться в том, что широкое распространение в марийском языке слова

чодыра ‘лес’ прямо связано с отображением ближайшей географической среды, т. е. лесного ландшафтного фона Урало-Поволжья.

Связанная с лесом номенклатура имела, разумеется, и у тюркских соседей древних мари, однако названия леса в тюркских языках (ср. башкир., тат. *урман*, чуваш. *вӑрман*) не связаны генетически с мар. *чодыра*. Что же касается чувашской лексемы *ҫатра* ‘хворост, кустарник, мелколесье’, то она, видимо, является заимствованием из горного наречия мариинского языка, где *цадыра* ‘мелкий и густой кустарник’. В связи с этим фактом заслуживают внимания наблюдения чувашского лексиколога Н. И. Егорова, отметившего, что тюркоязычные булгары (предки чувашей. – А. К.), сложившиеся как этнос в условиях степного кочевого образа жизни, не имели собственных слов, детально характеризующих лесной микроландшафт. Являясь в чувашском языке субстратной, связанная с лесом лексика составляет около 70 % всех мариизмов, причем основная ее часть употребляется только в узких ареалах северо-западных говоров чувашского языка [см.: Егоров, 1985, 60].

Чумбар (офиц. *Чумбари*) (с. 356). Этот ойконим квалифицируется И. С. Галкиным и О. П. Воронцовой как отантропонимный (отпрозвищный), восходящий к заимствованному русскими из татарского языка слову *чембари* ‘широкие кожаные или холщовые шаровары’, ср. тат. *чамбар*, *чымбар* с тем же значением. В связи с этой версией прежде всего следует отметить, что тюркское слово *чамбар* в русских говорах РМЭ не засвидетельствовано. Как показано Р. А. Юналеевой, лексема *чамбары* с вариантами *чембары*, *чумбары*, *чанбары*, *ченбары*, отсутствующая в русском литературном языке, встречается в строго очерченном диалектном ареале – уральско-сибирских говорах [см.: Юналеева, 1982, 67]. Как и в предыдущем случае, предлагаемая авторами этимологическая трактовка топонима основана на сопоставлении лексем разных языков только с учетом их внешнего созвучия – без соотнесения лексических фактов с реалиями жизни мариинского народа, без привлечения данных лингвистической географии и без опоры на исторические факты.

В то же время при обращении к археологическим материалам обнаруживается, что до прихода мари у истока р. Малый Кундыш и в ее верхнем течении, где находится д. Чумбар, обитали древние удмурты [см.: Спицын, 1889, 34]. По свидетельствам других источников, вся северо-восточная часть Марий Эл до появления здесь мари была заселена удмуртами [см.: Янтемир, 1927а, 1927б, 1929]. Значительная часть удмуртов под давлением переселявшихся сюда мари ушла за Вятку, последние же, в свою очередь, были вытеснены русскими переселенцами из Костромского Поволжья и Поветлужья. Эти данные позволяют соотнести с рассматриваемым названием удмуртские топонимы *Чумбэр*, *Чум бэр шур* (Увинский р-н Удмуртии) [см.: Кириллова, 1992, 139], ойконим *Чумберьяг* (Балезинский р-н) [СГНУ, 145] и *Чумвырсик* (название леса в д. Быги Шарканского р-на) [см.: Атаманов, 1988, 148].

Учитывая структуру удмуртских топонимов, ойконим *Чумбар* следует считать составным, образованным из основ *чум* и *бар*. Первый компонент соотносится с совр. удм. *чум* ‘клеть, амбар (для одежды)’ [УРС, 479], причем по данным удмуртской топонимии у этого слова известно еще два значения (возможно, более старых): ‘шалаш; лесная (охотничья) избушка’ [Атаманов, 1988, 148]. Вторая часть рассматриваемого ойконима сопоставима с удм. *выр* ‘холм, возвышенность; пригорок’, заимствованным, вероятно, из пермских языков, ср. коми-зыр. *вӧр* ‘лес’, восходящее к доперм. **wara* ‘лесистая возвышенность’ [КЭСК, 67]. Появление *b* на месте *v* в ойкониме-комposite *Чумбар* объяснимо прогрессивной контактной ассимиляцией по способу образования, происшедшей скорее всего на мариинской почве: в качестве подтверждения можно привести аналогичное позиционное изменение фрикативного *β* в смычный *b* в большинстве диалектов мариинского языка. Что касается семантики ойконима *Чумбар*, то есть основания думать, что первоначально он обозначал охотничью

или другую избушку (лачугу, шалаш) на лесистой возвышенности. Ландшафт местности и местонахождение деревни вполне оправдывают такое предположение.

Ронго (офиц. *Ронга*) (с. 285). В этом речном названии авторами словаря выделяется основа *рон* (*ронь*), сопоставляемая с коми лексемой *рунь* (*зыны*) 'тихо, лениво идти, брести'. Ауслautный элемент *-га*, по их мнению, является гидроформантом. Исходя из этого, название истолковывается как «тихая, медленно текущая река». Однако авторы упускают из виду лингвогеографические данные: кроме территории РМЭ, гидроним известен в других регионах России, ср., например, название притока р. Оять *Ронга* (Ленинградская обл.). По мнению И. И. Муллонен, этот гидроним восходит к саам. *roŋ'ŋ'*, *roŋ'k'* 'углубление', *jokk-roŋ'ŋ'* 'русло реки' [см.: Муллонен, 1988, 79]. Принимая во внимание некоторые физико-географические особенности р. Ронга РМЭ (в частности, извилистое русло), можно сопоставить гидроним и с саамской лексемой *roniek* 'извилистый' [Lagercrantz, 737].

Возможность привлечения саамских данных в рассматриваемом случае обусловлена наличием некоторых – по-видимому, весьма древних – саамско-марийских лексических параллелей, не имеющих продолжений в других финно-угорских языках. Так, марЛ *шўрғә* 'лиственный лес', марГ *шёрғә* 'лес' генетически связаны с саамской лексемой *sargga* 'густой лес'. Между саамским и марийским языками известны и некоторые фонетические соответствия, например, в позиции первого слога марЛ *я*, марГ *й* ~ саам. *a* или *á*, ср.: марЛ *йни* ~ саам. *aps* 'запах'; марЛ *вўр*, марГ *вёр* ~ саам. *vârrá* 'кровь'; марЛ *кўр*, марГ *кёр* 'лубок' ~ саам. *gârrá* 'кора' и др. [см.: ОФУЯ, 1974]. В свете этих данных нельзя не согласиться с мнением Б. А. Серебrenникова, согласно которому «некоторые специфические изоглоссы, связывающие саамский язык с марийским, свидетельствуют о том, что саамы формировались на какой-то более южной территории» [ФВЯО, 1989, 9]. Исходя из топоизоглоссы, можно предполагать, что территория эта находилась в южно-таежной области Вятского увала, в пределах бассейнов рек Малый Кундыш, Ронга, Ургакш, Шуя, Шукшан и Немда. Дополнительным подтверждением древних марийско-саамских связей служат результаты одонтологических обследований народов уральской расы [см.: Халдеева, 1992, 35–36].

Янгранур (офиц. *Янгранур*). Этот ойконим справедливо членится авторами словаря на две части: *Янгра* и *нур* 'поле, поляна'. Элемент *Янгра*, по их мнению, является собственным именем, восходящим к чувашскому апеллятиву *йанкăра* 'звонкий, т. е. кричащий звонким голосом'. Такое толкование нельзя признать приемлемым. По рассказам старожилов, селение Янгранур основали в 1790–1800 гг. выходцы из деревни Тумьюмучаш. Облюбовав место около восьми ключей, у самого истока реки Шуй, они сожгли в лесу много полусгнившего валежника и поваленных деревьев, называемых по-марийски *янгар кашка* [см.: СР, 2004, 162]. Место огнища, предназначавшееся для распашки, со временем превратилось в поле. То, что элемент *янгра* восходит не к антропониму, а к апеллятиву, подтверждают и собственные языковые данные: кроме упомянутого *янгар кашка*, ср. *янгар пу* 'сгнивший валежник', а также марГ *йăнгăр* 'гнилое дерево'. При образовании топонима или позднее произошла метатеза *янгар* > *янгра*. Таким образом, компонент *янгар* не связан с чувашским словом *йанкăра* 'звонкий' – название должно истолковываться как «поле со сгнившим валежником».

Торъял (с. 327). Интерпретируя этот ойконим, О. П. Воронцова и И. С. Галкин, солидаризируются с мнением И. Г. Иванова и утверждают, что *Торъял* – это «деревня у чернолесья». Фактически же слово *тор*, известное в северо-западном наречии марийского языка, не является наименованием чернолесья, а имеет значение 'чащоба, густая заросль', ср. *изи тор* 'небольшая чаща (заросль)', *кугу тор* 'большая чаща (густая заросль)', *энгыжтор* 'густая заросль малины'. Подобные примеры показывают, что компонент *тор* неизменно является постпозитивным. Кроме того, свойственные северо-западному наречию черты в зоне рас-

пространения сернурского говора лугового наречия марийского языка, и в частности в речи торъяльских мари, не обнаружены. Стало быть, о сохранении реликта лексического характера в ойкониме *Торъял* не может быть и речи. Поэтому нельзя считать состоятельной попытку истолковать этот ойконим из диалектного слова *тор*, приписав ему к тому же неверное значение. Остается заметить, что М. Н. Янтемир, описывая Торъяльский кантон Маробласти, привел названия крупных, средних и малых рек, среди которых фигурирует *Тор*. На берегу реки *Тор* находится *Старый Торъял* [см.: Янтемир, 1929, 8]. Таким образом, очевидно, что ойконим является отгидронимным: *Торъял* – «деревня на реке *Тор*». Этот вывод согласуется с отмечаемой в марийской топонимии продуктивностью именования селений по рекам.

Идалмаш арка (возвышенность на территории Красноярской сельской администрации Звениговского р-на) (с. 74). Авторы считают первый компонент этого микропонима дохристианским марийским личным именем, восходящим к тюркскому *Италмас*, которое, по их мнению, состоит из двух основ: *ит* ‘собака’ и *алмас* ‘не возьмет’. О происхождении лексемы *арка* в статье ничего не сообщается. Такая трактовка находится на грани народной этимологии, основанной на чисто внешнем сходстве слов. Судя по всему, данное название является субстратным: компонент *Идалмаш* может быть сопоставлен с удмуртским *италмас* ‘купальница европейская’, а лексема *арка* в диалектах удмуртского языка известна в значениях ‘хребет (верхняя часть холма), цепь (гор)’ и ‘роща; кустарник, кусты’ [УРС, 32]. Поскольку купальница не встречается на возвышенностях, а растет на сырых лугах, лесных полянах и в зарослях кустарников, название *Идалмаш арка* должно, вероятно, объясняться как ‘роща, где растет купальница». Справедливость такого объяснения подтверждается и физико-географическими реалиями местности.

Дальнейшие перспективы этимологических исследований, и в частности составление топонимических словарей, будут зависеть от того, насколько последовательно реализуются в них принципы системности и историзма, тем более что этимологические решения в области топонимии, основанные на «узколингвистическом» подходе, часто бывают шаткими и недостоверными. Надежная этимология возможна лишь в контексте широкомасштабных историко-культурных исследований, включающих изучение материальной и духовной культуры народов – как родственных, так и неродственных, связанных отношениями исторического соседства. Поэтому наряду с максимально полным привлечением собственно лингвистических материалов этимология должна предполагать опору и на данные других наук, прежде всего истории, археологии, этнографии и географии.

Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.

Егоров Н. И. Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 55–66.

Кириллова Л. Е. Микропонимия бассейна Валы (в типологическом освещении). Ижевск, 1992.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

СГНУ – Словарь географических названий Удмуртской АССР. М., 1980.

Спицын А. А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 1. М., 1893.

СР – Советский район: Сборник документальных очерков. Йошкар-Ола, 2004.

УРС – Удмуртско-русский словарь. М., 1983.

- ФВЯО – Финно-волжская языковая общность. М., 1989.
- Халдеева Н. И.* Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992.
- Юналеева Р. А.* Опыт исследования заимствований: (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). Казань, 1982.
- Янтемир М. Н.* Описание Маробласти. Оршанский кантон: (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 6. Краснококшайск, 1927а.
- Янтемир М. Н.* Описание Маробласти. Сернурский кантон: (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 7. Краснококшайск, 1927б (на обложке: Йошкар-Ола, 1928).
- Янтемир М. Н.* Описание Маробласти. Торъяльский кантон: (С приложением списка населенных пунктов кантона). Вып. 8. Йошкар-Ола, 1929 (на обложке 1930).
- Lagercrantz E.* Lappischer Wortschatz, I–II // Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI. Helsinki, 1939.

А. Н. Куклин, докт. филол. наук, профессор,
зав. кафедрой марийского языка и литературы
Марийского пед. института им. Н. К. Крупской
(Йошкар-Ола)

Смольников С. Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 255 с.

Существуют две автономные области в русском языкознании, которые одинаково хорошо распространяются на все уровни языка и все жанры, но всегда сохраняют при этом свою специфику – акцентология и ономастика. Внимание к именам собственным с незапамятных времен настолько велико, что еще у Мелетия Смотрицкого разделение на собственные и нарицательные выносятся на первое место для имен, еще до разделения их на существительные и прилагательные. Однако в данной книге имена лиц рассматриваются прежде всего в прагматическом измерении, и это обеспечивает ей особую актуальность и передовые позиции в новейшей науке. Неуместно говорить об антропоцентрическом подходе там, где кроме человека никого и нет и никакого иного подхода нельзя себе и представить, но здесь акцент переносится с имени на связь между именем и социально определенным лицом со всеми его правовыми и частными ролями.

Каждая глава книги имеет самостоятельное научное значение и содержит существенные выводы, важные не только для филологии, но и для истории общественно-правовых отношений на Вологодской земле в XVII в. Материал излагается очень последовательно и увлекательно, несмотря на сложные научные проблемы, решаемые в монографии.

Из трех возможных аспектов исследования – номинативного, коммуникативно-прагматического и стилистического – в качестве базового выбирается коммуникативно-прагматический. Такой подход больше всего соответствует избранному кругу текстов-источников и позволяет наиболее полно представить употребление в них антропонимов. В семантике имени собственного выделяется модально-экзистенциальный компонент, который противопоставлен коннотативному компоненту, присущему и значению имени нарицательного (с. 32). Это позволяет поднять вопрос об особой модальности онимов, которые показывают не про-